

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
М. В. ЛОМОНОСОВА

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5
Ф54

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Рецензенты:

д-р филол. наук, зав. отделом С. А. Мызников (Ин-т лингвист. иссл. РАН)
д-р филол. наук, проф. О. Н. Гринбаум (С.-Петерб. гос. ун-т)

Ф54 **Филологическое наследие М. В. Ломоносова** : коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 480 с.
ISBN 978-5-4469-0118-0

Коллективная монография участников проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова», осуществляемого в настоящее время в ИЛИ РАН, посвящена вопросам филологического дискурса М. В. Ломоносова (риторика, грамматика, поэтика, стилистика), освещает некоторые особенности его идиолекта. Отдельный раздел представляет историю доломоносовских грамматик в Российской академии наук. Части монографии объединены стремлением авторов показать, как формировалась филологическая традиция в России XVIII века. В основу книги легли доклады и сообщения, сделанные на научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова», которая прошла в ИЛИ РАН 25–26 октября 2011 г.

Монография предназначена для историков русского языка, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, филологов и историков, любителей русского языка и культуры.

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5

Издание подготовлено при финансовой поддержке
гранта РГНФ № 10-04-00308а

«Словарь языка М. В. Ломоносова»
(руководитель С. С. Волков);
гранта РГНФ № 11-04-00206а

«Идиолект М. В. Ломоносова и европейский научный дискурс XVIII в.»
(руководитель К. А. Филиппов);
гранта РГНФ № 11-34-01222

«Формирование академической лингвистической традиции»
(руководитель Н. В. Карева),
гранта РГНФ № 12-04-00109а

«Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова
(лингвистический и историко-культурный аспекты)»
(руководитель П. Е. Бухаркин)

ISBN 978-5-4469-0118-0

© Коллектив авторов, 2013
© ИЛИ РАН, 2013
© Издательство «Нестор-История», 2013

Е. М. Матвеев
(ИЛИ РАН/СПбГУ)¹

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ТРОПОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Ключевые слова: троп, художественный (поэтический) язык, риторика, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, ирония, перифраза, антономазия, гипербол, литота, аллегория, миф.

В главе рассматриваются проблемы описания тропов в художественном (поэтическом) языке М. В. Ломоносова, в частности, создания релевантного для поэтического языка М. В. Ломоносова перечня тропов, разграничения художественной и языковой метафоры, дается характеристика смежных с тропами семантических явлений (олицетворения, аллегория, миф).

О художественном (поэтическом) языке М. В. Ломоносова написано немало. Фундаментальные исследования, посвященные языку, поэтическому стилю, стиху М. В. Ломоносова — это в том числе работы таких авторитетных ученых, как С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Г. А. Гуковский, В. М. Живов, Ю. М. Лотман, Л. В. Пумпянский, И. З. Серман, Ю. Н. Тынянов и мн. др. Большинство имеющихся работ представляют собой исследования *литературоведческие*, и сосредоточены они на анализе поэтического языка центральных жанров ломоносовской поэзии — торжественной и духовной оды (см., напр.: (Серман 1966; 1973; Тынянов 1977; Чичерин 1977; Погосян 1997; Пумпянский

---

¹ Евгений Михайлович Матвеев, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН, ст. преп. кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.

2000; Гуковский 2001; Алексеева 2005; Бухаркин 2011 и др.)). Вполне закономерно, что такого рода исследования не обходят стороной анализ особенностей лексической семантики в поэзии М. В. Ломоносова, в частности, проблему тропов, которая в наибольшей степени рассматривалась в работах И. З. Сермана. В книге «Поэтический стиль Ломоносова» исследователь обратился к анализу важнейшего конструктивного признака ломоносовской оды — метафоризации поэтического стиля. Делая вывод о том, что «переворот, произведенный Ломоносовым в русской поэзии, в ее стилистической природе, заключался в том, что он сделал метафору и метафоризацию образного строя од основным поэтическим принципом стиля оды» (Серман 1966: 103), И. З. Серман опирается на ряд выразительных репрезентативных «фрагментов» поэзии М. В. Ломоносова. Подобный подход, основанный на анализе отдельных ярких языковых фактов, а не на целостном лингвистическом анализе языка всего корпуса поэтических произведений М. В. Ломоносова, ощутим в большинстве вышеупомянутых литературоведческих работ по проблемам его поэтического языка. Не случайно авторы «классических» работ зачастую давали поэтическому языку и стилю «русского Пиндара» полярно противоположные характеристики: так, например, Г. А. Гуковский подчеркивал такие его особенности, как алогичность и искусственность (Гуковский 2001: 46–48), а Л. В. Пумпянский, напротив, — абсолютную гармоничность (Пумпянский 2000: 52–56).

Несмотря на серьезную разработанность проблем художественного языка М. В. Ломоносова, следует признать, что выводов большинства литературоведческих исследований оказывается недостаточно для целостного представления о поэтическом языке главного русского поэта середины XVIII века. Помочь получить подобное представление может фронтальное *словарное* описание лексики, встречающейся в поэтических текстах М. В. Ломоносова. В 2011 году в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований

РАН началась исследовательская работа по описанию и изучению одной из важнейших характеристик художественного языка М. В. Ломоносова — тропов (слов в переносном значении)². Учитывая общепризнанное новаторство М. В. Ломоносова именно в области поэтического словоупотребления, а также глубинные связи поэтического творчества М. В. Ломоносова с русской и европейской риторической традицией, изучение риторических основ поэтического языка М. В. Ломоносова и включение в Словарь языка М. В. Ломоносова как количественных, так и качественных характеристик переносных значений оказывается абсолютно необходимым. Кроме того, тропы М. В. Ломоносова представляют собой «сильные места» его поэтического дискурса. Следовательно, их изучение открывает новые исследовательские возможности для описания ментального лексикона поэта.

К настоящему моменту разработаны основные принципы описания тропов в поэзии М. В. Ломоносова и в соответствии с этими принципами выработана модель семантической разметки поэтических текстов М. В. Ломоносова.

---

² В проекте принимают участие М. Г. Маматова, Е. М. Матвеев, А. С. Смирнова. Работа осуществляется при поддержке Совета по грантам президента Российской Федерации (грант МК-3364.2012.6 «Риторические основы поэтического языка М. В. Ломоносова», рук. Е. М. Матвеев). Научными консультантами проекта выступают П. Е. Бухаркин и С. С. Волков.

Работа по описанию и изучению тропов — это очередной этап серии исследований, направленных на комплексное изучение поэтического языка М. В. Ломоносова, проводимых в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН. В 2009–2011 гг. силами отдела в сотрудничестве с семинаром «Стихovedение» (филологический факультет СПбГУ) под руководством Е. В. Хворостьяновой было предпринято комплексное исследование поэтического языка М. В. Ломоносова со стиховедческой точки зрения. Были подготовлены и опубликованы метрико-строфический справочник к произведениям М. В. Ломоносова (Лалетина, Хворостьянова 2010) и словарь рифм (Словарь рифм М. В. Ломоносова 2011).

<i>Лексема</i>	<i>Контекст</i>	<i>Троп/риторический прием</i>	<i>Комментарий</i>

Разметка производится в приведенной выше таблице и включает две основные операции: 1) отбор и описание тропов и 2) отбор и описание некоторых смежных с тропами семантических явлений.

I. Отбор слов в переносном значении (тропов) и определение принципов переноса значения

Одна из базовых проблем, возникающих при работе с тропами, — это проблема их классификации. На первый взгляд, было бы логично, исследуя поэтический язык М. В. Ломоносова, обратиться к перечню тропов, предложенному самим Ломоносовым. В своем главном риторическом трактате — «Кратком руководстве к красноречию» (1748) — Ломоносов выделял две группы тропов: «тропы речений», к которым он относил метафору, синекдоху, метонимию, антономазию, катахресис и металепсис (АПСС 7, 245), и «тропы предложений», представленные такими явлениями, как «аллегория, парафразис, эмфазис, гипербола, ирония» (АПСС 7, 249). Внимательное рассмотрение ломоносовской классификации приводит к выводу о том, что подход Ломоносова к тропам принципиально неприменим для решения задач проекта, связанного с риторическим исследованием художественных текстов. Причина этого состоит в фундаментальном различии между нормативной классической риторикой, в рамках которой созданы риторические трактаты М. В. Ломоносова, и научной неориторикой XX века, вне парадигм которой невозможно в настоящее время рассматривать теорию тропов и фигур. Классическая риторика, адресованная создателям речевых сообщений (авторам), предлагает некий свод подробных рекомендаций (в частности, перечни тропов и фигур), пользуясь которыми можно убедительно и красиво выразить мысль.

Ср. определение риторики в «Кратком руководстве к красноречию»: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению» (АПСС 7, 91). Литературная же неориторика во всех ее разновидностях имеет совсем иную цель — анализ художественного текста, поэтического языка и способов формирования при помощи этого языка проблематики текста (Авеличев 1986: 16–22; Безменова 1991: 122). Этими задачами обусловлено стремление неориторики сформировать научную классификацию тропов, позволяющую свести все многообразие «частных случаев», тщательно дифференцируемых классической риторикой, к ряду «базовых» тропов. Среди же ломоносовских «тропов речений» такие «частные случаи» имеют место. Так, катахриси́с, определяемый автором «Краткого руководства» как «перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним знаменованье, что бывает ради напряжения или послабления какого-нибудь действия или свойства, например: для напряжения — *бояться* вместо *ждать*; *бежать* вместо *итти*; *бранить* вместо *выговаривать*; *лукав* вместо *хитр*; *скуп* вместо *бережен*; *нахален* вместо *незастенчив*; для послабления — *ждать* вместо *бояться*; *итти* вместо *бежать*; *выговаривать* вместо *бранить*; *хитр* вместо *лукав*; *незастенчив* вместо *нахален*) (АПСС 7, 249), с точки зрения принципов переноса значения, сводим к таким тропам, как гипербола и литота. Металепсис, представляющий собой «перенесение слова через одно, два или три знаменования от своего собственного, которые одно из другого следуют и по оному разумеются: *Как десять жатв прошло, взята пространна Троя*» (АПСС 7, 249), по сути — частный случай метонимии. Кроме того, ряд явлений, описываемых Ломоносовым в главах «Краткого руководства к красноречию» о тропах, с позиций современного анализирующего художественный текст сознания также интерпретируется совершенно иначе. В качестве примера можно рассмотреть одну из разновидностей синекдохи. По Ломоносову, «синекдоха есть троп, когда речение переносится

от большего к меньшему или от меньшего к большему» (АПСС 7, 246), что, в частности «бывает <...> когда известное число полагается вместо неизвестного: *там тысячи валяются вдруг* вместо *множество валится*» (АПСС 7, 246). М. В. Ломоносов приводит в качестве примера фрагмент собственной «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации». Приведем контекст, в котором появляется данный пример:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж Готфскими полками
Бежит ярься из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух;
Там тысячи валяются вдруг.
Но естльи хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял Горизонт;
Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает:
Так Росс противных низлагает (АПСС 8, 89–90).

Из контекста видно, что количественный принцип переноса, позволяющий акцентировать внимание на интенсивности описываемых действий, здесь безусловно доминирует, и слово «тысячи» оказывается вовсе не синекдохой, а гиперболой.

Помимо базового различия подходов к тропам, демонстрируемых классической риторикой и анализирующей научной неориторикой, следует указать еще две причины, которые делают неприменимой для нашего исследования классификации

тропов М. В. Ломоносова. Во-первых, само разделение тропов на «тропы речений» и «тропы предложений», которого придерживался Ломоносов, не соответствует принятому сегодня в науке представлению о тропах как о явлении лексическом, состоящем в изменении основного значения конкретного слова (в противовес фигурам речи как явлению синтаксическом)³. Во-вторых, некоторые понятия классической риторики, перешедшие сегодня в разряд лингвистических и литературоведческих терминов, получили иные научные определения. Примером такой трансформации может служить термин «аллегория». По Ломоносову, аллегория «есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих» (АПСС 7, 250). Из определения следует, что для Ломоносова «аллегория» есть не что иное, как развернутая метафора. В современных же определениях аллегории ее главным структурообразующим признаком называется замена обозначаемого абстрактного понятия конкретным образом (см., напр.: (Хаззагерев, Ширина 1994: 125; Томашевский 1999: 61; Лагутина 2003: 27)).

С учетом всего вышеперечисленного, а также того обстоятельства, что общепринятой современной риторики-лингвистической классификации тропов не существует (Москвин 2007: 40–41), в исследованиях по риторическому анализу текста возникает необходимость сформировать адекватный исследуемому материалу набор тропов. Для нужд проекта был создан специальный рабочий перечень тропов (не являющийся классификацией), релевантный для поэтического языка М. В. Ломоносова. Этот перечень включает девять

---

³ Такое противопоставление отчетливо реализовано, в частности, в книге Б. В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика», в которой имеется два раздела: «Поэтическая лексика» с подразделом «Поэтическая семантика. Тропы» и «Поэтический синтаксис». Во втором подразделе речь идет о тех явлениях, которая классическая риторика относилась к фигурам речи (Томашевский 1999: 333).

основных тропов: метафору, олицетворение, метонимию, синекдоху, иронию, перифразу, антономазию, гиперболу и литоту. Рассмотрим каждый троп подробнее, обращая внимание на проблемы, возникающие в процессе описания некоторых из них.

1. **МЕТАФОРА** — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях сходства, аналогии. Например:

Дела Петровой Дщери **громки** (АПСС 8, 102).
громкий ‘широко известный, знаменитый, славный’

Одна из самых значительных трудностей, возникающих при описании переносных значений слов в художественном тексте, — проблема разграничения языковой и художественной метафоры. Поскольку на материале русского XVIII века типология метафоры не разрабатывалась, на первоначальном этапе исследования фиксируются как языковые (отмеченные историческими словарями⁴), так и поэтические (оригинальные) метафоры Ломоносова.

Отграничить первый тип метафор от второго сложно, в частности, потому, что существующие словари русского языка XVIII века при описании переносных значений во многом опираются именно на поэзию М. В. Ломоносова⁵, а системного описания метафорической лексики доломоносовского времени

---

⁴ Сл. XVIII в., САР¹, САР², Сл. 1847. Поскольку наиболее авторитетный на сегодняшний день Сл. XVIII в. не существует в полном объеме, языковым «фоном» для описания переносных значений М. В. Ломоносова было решено считать САР¹, отражающий языковое сознание эпохи, близкой самому Ломоносову. В ходе семантической разметки наличие переносного значения в САР¹ отмечается в графе «Комментарий».

⁵ По подсчетам М. И. Сухомлинова, в Словаре Академии Российской М. В. Ломоносов цитируется 883 раза, Сумароков — 30 раз, Петров — 13 раз, Херасков — 11 раз (Сухомлинов 1887: 28).

(первой трети XVIII века) не существует. Кроме того, решение фиксировать все метафоры представляется правомерным еще и потому, что риторическая культура⁶, носителем которой был и М. В. Ломоносов, вообще не знала разграничения понятий «языковая метафора» и «художественная метафора». Наиболее употребительные в эту эпоху метафоры можно считать «риторическими метафорами», т. е. метафорами, «не обладающими индивидуальностью, употребляемыми многими авторами <...> своего рода “художественные штампы”, клише» (Склярёвская 2004: 41)⁷.

2. **ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ** — разновидность метафоры, перенос свойств предметов или явлений одушевленного мира на предметы или явления мира неодушевленного. Например:

Там тучи разных птиц летают,
Что пестротой превышают
Одежду нежных весны (АПСС 8, 205).

Особую разновидность олицетворения составляют метафоры, наделяющие животных качествами человека⁸. Например:

---

⁶ О понятии риторической культуры как культуры «готового слова» см.: (Михайлов 1997: 116–117). О глубинных связях М. В. Ломоносова с риторической культурой см.: (Бухаркин 2011: 51–52).

⁷ О понятии «риторическая метафора» см. также: (Бельский 1954: 286). В ряде исследований подчеркивается, что риторическая метафора представляет собой «механическое соединение схематических образов» (Бельский 1954: 286) и поэтому предполагает ослабление или утрату образного элемента или эстетического потенциала (см.: Склярёвская 2004: 41). Можно предположить, что в текстах риторической эпохи ситуация все же иная и использование типичных для этой культуры «метафор-штампов» никак не связано с утратой образа и эстетической нагруженности.

⁸ Ср. широкое понимание олицетворения в следующем определении: «Олицетворение — присущее мифологическому сознанию свойство перенесения на неодушевленные вещи и явления черт живых существ (антропоморфизм, анимизм) или животных (зооморфизм), а также надделение животных качествами человека» (Токарев 1988: 252).

В луга, усыпанны цветами,
Царица трудолюбных пчел,
Блестящими шумя крылами,
Летит между прохладных сел (АПСС 8, 217).

Одна из конструктивных особенностей поэтического языка М. В. Ломоносова — антропоморфизм в изображении частей света (Азия), стран и регионов (Россия, Кавказ), рек (Нева), явлений природы (заря), абстрактных понятий (тишина) и т. д. В таких олицетворениях, не представляющих собой собственно тропы, отсутствует явление лексического переноса значения (все слова употребляются в прямом значении), а антропоморфизация осуществляется за счет широкого аллегорического и мифологического контекста ломоносовской поэзии. В большинстве случаев подобные олицетворения развернутые. Например:

Коль ныне радостна **Россия!**
Она, **коснувшись** облаков,
Конца не **зрит** своей державы,
Гремящей **насыщенна** славы,
Покоится среди лугов <...>
Седит и **ноги** простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой **обращает**
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегли локтем на Кавкас (АПСС 8, 221–222).

Выделенные в этом примере слова, создающие антропоморфизацию изображаемого, употреблены в прямом значении. Однако в целом высказывание представляет собой иносказание: здесь говорится о том, что Россия — это огромная процветающая империя.

Ср. аналогичные примеры:

Не **ад** ли тяжки узы **рвет**
И **челюсти** **разинуть** **хочет?** (АПСС 8, 19)

Полна веселья там *Нева*,
Венцем, порфиною блистает,
Покрыта лаврами **глава** (АПСС 8, 224).

И се уже **рукой** багряной
Врата **отверзла** в мир **заря**,
От **ризы сыплет** свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться (АПСС 8, 138).

С способными ветрами **споря**,
Терзать да не **дерзнет борей** (АПСС 8, 216).

Для целей практического описания олицетворений в ходе семантической разметки поэтических текстов М. В. Ломоносова были выработаны следующие принципы.

- ◆ Олицетворения-тропы и олицетворения, служащие целям антропоморфизации изображаемого и не являющиеся тропами, не разделяются, поскольку провести такое разделение не всегда возможно.
- ◆ Жирным курсивом в приводимом контексте выделяются «олицетворяемые слова» («герои» ломоносовской поэзии, ср. в приводимых выше примерах: *Россия, ад, Нева, заря, борей*);
- ◆ Жирным прямым шрифтом выделяются слова, с помощью которых происходит олицетворение (антропоморфизация).

3. **МЕТОНИМИЯ** — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях смежности, связаны логически (при этом прямое значение сочетается с переносным). Например:

И **огнь**, и **меч** да удалится
От стран Твоих, и всякий вред (АПСС 8, 216).
огнь и меч ‘война’

Но больше мирною **рукою**
Ты целой удивила свет (АПСС 8, 220).
рукою 'политикой, правлением'

В ломоносовской поэзии обнаруживается значительное число случаев переносов, которые можно интерпретировать двояко — как метонимии и как олицетворения. Например:

Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь **Хотин** своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей? (АПСС 8, 27)

С одной стороны, образ Хотина, имея в виду контекст («стесняет», «может устоять»), а также с учетом ломоносовской тенденции к антропоморфизму, о которой шла речь выше, является олицетворением. С другой стороны, этот образ можно интерпретировать как метонимию (**Хотин** 'защитники Хотинской крепости').

Ср. аналогичные примеры:

Петрополь по Тебе терзался,
Когда с Тобюю разлучался
Еще в зачатии Твоем (АПСС 8, 63).

Россию, грубостью попанну
С собой возвысил до небес (АПСС 8, 200).

В описании подобных случаев приводятся обе возможности риторической интерпретации (олицетворение / метонимия).

4. **СИНЕКДОХА** — разновидность метонимии, в которой используются отношения количественного характера (например, часть вместо целого, единственное число вместо множественного, множественное число вместо единственного и др.). Например:

Мяжкой вместо мне перины
Нежна, зелена трава;
Сладкой думой бес кручины
Веселится **голова** (АПСС 8, 11).
голова ‘человек’

Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их **око**, слух нечует (АПСС 8, 23).
око ‘глаза’

Основная проблема описания этого тропа связана с критериями разграничения синекдох и метонимий. В ходе семантической разметки было решено опираться на критерий, сформулированный в одном из современных авторитетных словарей тропов и риторических фигур:

«Граница между многими разновидностями метонимии (человек — его одежда, человек — орудие, предмет, человек — часть его тела, внешности) очень условная. По-видимому, в чистом виде синекдоха встречается только тогда, когда сопоставляемое и сопоставляющее настолько однородны в качественном отношении, что различия между ними воспринимаются в основном как количественные (больше — меньше)» (Хазагеров, Ширина 1994: 159).

5. **ИРОНИЯ** — троп, в котором переносное значение слова противоположно или резко противопоставлено по смыслу прямому. Например:

Мышь некогда, любя **святыню**,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую **пустыню**,
Засевшись вся в галланской сыр (АПСС 8, 769).
святыня (о еде, сыре)
пустыня (о месте, изобилующем едой)

6. **ПЕРИФРАЗА** — троп, описательно выражающий одно понятие с помощью нескольких (группа слов выражает семантику обозначаемого понятия). Например:

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцем, порфиною блистает,
Покрыта лаврами глава (АПСС 8, 224).
стены Петровы 'Петербург'

О коль велика добродетель
В Петровых **нежных днях** цветет! (АПСС 8, 62)
нежные дни 'юность'

7. АНТОНОМАЗИЯ — троп⁹, к которому относится:

---

⁹ Ср. трактовку термина «антономазия» в специальном исследовании: «Антономазия может быть определена как средство языковой номинации, включающее в себя различные виды одновременной реализации предметно-логического и назывного значений, в результате чего объекту присваивается имя, находящееся на пересечении нарицательного и собственного имен, прямо или косвенно указывающее на свойства объекта, и, таким образом, помимо идентифицирующей функции выполняющее информативную функцию. При одновременной реализации данных двух типов лексических значений в одних случаях предметно-логическое значение оказывается главным, а назывное значение контекстуальным, в других случаях наоборот — назывное значение главное, а предметно-логическое контекстуальное. Так как назывное значение присуще именам собственным, а предметно-логическое значение присуще именам нарицательным, то в зависимости от того, какое значение является основным, выделяются два основных типа антономазии:

1) Антономазия, построенная на переносном использовании имени собственного (антономазия первого типа). В ней назывное значение является основным, а предметно-логическое возникает в контексте, т. е. имя собственное частично переходит в нарицательное.

2) Антономазия, построенная на переносном использовании имени нарицательного (антономазия второго типа). В ней основным является предметно-логическое значение, а назывное возникает в контексте, т. е. имя нарицательное частично переходит в собственное.

Этот тип антономазии делится на подтипы в зависимости от отношений, устанавливающихся между оригинальным именем объекта и создаваемым именем:

А) Собственно антономазия, в частности как стилистический прием. Представляет собой окказиональное замещение оригинального имени объекта или явления создаваемым именем.

а) употребление имени собственного в значении нарицательного:

Пускай в Германии Герой ваш <Карл XII в Польше. — Е. М.>
успевает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветер, к востоку
И приближается к предписанному року
Не найдет **Дария**, чтоб **Александром** стать (АПСС 8, 729)
Дарий 'проигравший'
Александр 'победитель'

б) употребление имени нарицательного в значении имени собственного:

Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, **Герой** открылся (АПСС 8, 22).
Герой 'Петр Великий'

Как ежели на Римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,
И естли **Град** тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость, и породу,
Погиб за Римскую свободу (АПСС 8, 90).
Град 'Рим'

В) Клички и прозвища. Представляют собой частотное замещение оригинального имени объекта или явления создаваемым именем. Иногда кличка или прозвище в тексте употребляется чаще, чем оригинальное имя, однако последнее никогда не вытесняется полностью.

С) Говорящие имена. К ним относятся имена и названия, которые сами являются оригинальным именем объекта или явления. Однако предметно-логическое значение остается в них на первом плане, и, таким образом, информативная функция преобладает.

Д) Ласкательные имена.

Е) Пейорация» (Арутюнян 2010: 164–165).

в) употребление антропонима в значении другого антропонима:

С **Сотином** — что за вздор? — **Аколаст** примирился!
(АПСС 8, 659)

Сотин (от имени «Тресотинуус» — от фр. *très sot* ‘очень глупый’) ‘В. К. Тредиаковский’

Аколаст (от греч. ἀκόλαστος — ‘необузданный, дикий, наглый’) ‘А. П. Сумароков’

В последней группе антономазий фиксируются и случаи использования антропонимов в составе перифраз. Например:

Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтиски бреги, вы,
Тритоны с Нимфами там громко восклицают
И **Амфитриты** путь **Российской** прославляют (АПСС 8, 802).
российская Амфитрита ‘Екатерина II’

В классификациях тропов антономазия приводится не всегда, так как этот троп сводим либо к метафоре («Ахиллес» в значении «непобедимый воин»), либо к метонимии («галилеянин» в значении «Иисус Христос»)¹⁰. Случаи антономазии фиксируются нами отдельно ввиду частотности семантических преобразований имен собственных в поэтическом языке М. В. Ломоносова.

---

¹⁰ Ср. описание отношения антономазии к двум «базовым» тропам — метафоре и метонимии — в цитируемой выше диссертации: «Между крайними точками зрения на антономазию, отождествляющими антономазию либо с метонимией, либо с метафорой, принимается компромиссная точка зрения на антономазию как на метонимию, осложненную отношением сходства, хотя в отдельных случаях характер и основания переноса имени максимально сближают антономазию с метафорой» (Арутюнян 2010: 165).

8. **ГИПЕРБОЛА** — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношении «большее ~ меньшее» (преувеличение какого-либо качества или признака). Например:

В середине сердца мне **геенну** воспалил (АПСС 8, 484).
геенна 'сильное волнение, потрясение'

9) **ЛИТОТА** — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношении «меньшее ~ большее» (уменьшение какого-либо качества или признака).

Мечи твои <войны. — Е. М.> и копьа вредны
Я в плуги я в серпы скую;
Пребудут все поля **безбедны**,
Отвергнув люту власть твою (АПСС 8, 99).
безбедный 'богатый, процветающий'

II. Отбор и описание некоторых смежных с тропами семантических явлений

Наряду с тропами, в поэтическом языке М. В. Ломоносова обнаруживаются иносказания, связанные с фигуральным использованием языка, но не являющиеся собственно тропами (словами в переносном значении). Можно выделить три основных типа такого рода явлений.

1. ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ТРОПАМИ (СМ. ВЫШЕ)

2. **АЛЛЕГОРИЯ** — «одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения» (Лагутина 2003: 27). Аллегория не является тропом, поскольку в ней отсутствует лексический перенос (все слова употребляются в прямом значении), а иносказательность возникает только в контексте, причем понимание иносказания невозможно без учета историко-культурных

реалий, на которых строится образ. К характерным чертам аллегории также обычно относят ее условность¹¹, однозначность (в отличие от символа), тяготение к визуальному воплощению, тяготение к развернутой форме.

Пример аллегии (жирным прямым шрифтом выделяются все слова, формирующие аллегорический образ):

Лев ныне токмо зрит **ограду**,
Чем путь ему пресечен к **стаду** (АПСС 8, 219).
Лев 'Швеция'.

Общий смысл аллегорического иносказания следующий: шведы не смеют пересечь русско-шведскую границу, которая в соответствии с мирным договором 1743 г. была отодвинута далеко на запад.

3. МИФ

По мнению Т. Е. Абрамзон, одическая поэзия М. В. Ломоносова представляет собой реализацию определенной культурной (поэтической) мифологии¹², причем поэтическая ми-

---

¹¹ Об этом, в частности, писал А. Ф. Лосев, приводя убедительный пример сатиры Сенеки «Отыквление божественного Клавдия»: «Свое произведение он назвал “Отыквление”, поскольку тыква считалась символом глупости. Однако <...> это не символ глупости, но аллегория глупости, потому что ни глупость совершенно не имеет отношения к тыкве, ни тыква к глупости <...> В аллегии отвлеченная идея, ее предмет не имеет ничего общего или имеет очень мало общего с обратной стороной изображаемого предмета» (Лосев 1995: 136).

¹² «Культурными мифологиями, в отличие от мифологий архаических <...> и религиозных <...> принято называть системы коллективных представлений, функционирующие аналогично архаическим и религиозным мифологическим представлениям, но в иных исторических условиях, сформировавшихся в секуляризованных западных обществах Нового времени, а также в обществах, ориентированных на западные модели цивилизации. Такие представления выражаются прежде всего в различных формах словесного творчества» (Абрамзон 2007: 5).

фология «включает в себя элементы древних мифологий <...> в качестве риторических фигур <...> составляющих основу художественного языка панегирической и эпической поэзии» (Абрамзон 2007: 24). Античная мифология как неотъемлемый элемент европейской культуры Нового времени и русской европеизированной культуры XVIII века (Живов, Успенский 1984) оказывается исключительно важным компонентом поэтического языка М. В. Ломоносова.

В поэзии М. В. Ломоносова обнаруживается большое количество мифологических имен¹³ в контекстах, представляющих собой иносказание. При этом, наряду с иносказательно-аллегорическим смыслом, такие контексты, как правило, сохраняют и прямое значение мифологического имени.

Например (жирным шрифтом выделены слова, формирующие мифологический образ):

Монархиня, кто Россов знает
И ревность их к Тебе внимает,
Помыслит ли противу стать?

Что **Марс** кровавый **не дерзает**
Руки своей **простерти** к нам,
Твои он силы **почитают**
И власть, подобну небесам (АПСС 8, 219).

Марс — это римский бог войны, который оказывается таким же героем ломоносовской оды, каким и императрица

---

¹³ Согласно наблюдениям Т. Е. Абрамзон, «корпус античных богов, упоминаемых и действующих в одическом пространстве Ломоносова (двадцать од), представляет собой единство персонажей греческой и римской мифологии с доминированием последней. Количество употреблений имен богов таково: Марс — 10 употреблений, Диана и Минерва — 4, Флора — 3, Беллона, Нептун, Орфей, Фазтон и Борей — 2, Феб, Аврора, Антей, Ахилл, Венера, Геркулес (Алцид, Алкид), Атлас, Ермий (Гермес), Плутон, Афина, Атлант, Цереса (Церера), Урания — по 1 разу» (Абрамзон 2007: 43–44).

Елизавета Петровна; в то же время в этом образе можно усмотреть аллегорию войны, воинственности¹⁴.

Такая двойственность интерпретации является неотъемлемой чертой мифа как вида поэтического иносказания, при котором некая общая идея мыслится в виде живого существа (Лосев 1995: 174). А. Ф. Лосев отмечал, что в мифе, как и в символе, «идейная образность действительности <...> дана вместе с самой действительностью <...> Миф отождествляет идейную образность вещей с вещами как таковыми и отождествляет вполне субстанционально» (там же: 166–167).

С учетом вышесказанного было принято решение в ходе семантической разметки поэтических текстов М. В. Ломоносова описывать использование мифологических персонажей с помощью пометы «миф» (имея в виду под этим особый тип художественного иносказания).

E. Matveev. The problems of M. V. Lomonosov's poetic tropes description.

The chapter focuses on problems of M. V. Lomonosov's poetic tropes description, such as the list of tropes relevant for M. V. Lomonosov's poetics, distinction between language metaphor and artistic (poetic) metaphor, analyses of figurative language phenomena which are not tropes (some types of personification, allegory, myth).

---

¹⁴ Ср. несколько сходных примеров: «В полях кровавых *Марс* страшился, / Свой меч в Петровых зря руках, / И с трепетом *Нептун* чюдился, / Взирая на Российский флаг» (АПСС 8, 200); «И се *Минерва* ударяет / В верхи Рифейски копием, / Серебро и золото истекает / Во всем наследии Твоем. / *Плутон* в расселинах мятется, / Что Россам в руки предается / Драгой его металл из гор» (АПСС 8, 205–206); «Сходящей с поль златых *Авроры* / Рука багряна сыплет к нам / Брильянтов, искр, цветов узоры, / Дает румянный вид полям, / Светящей ризой мрак скрывает / И к сладким песням птиц возбуждает» (АПСС 8, 124); «Великая Петрова Дщерь / Щедроты отчи превышает, / Довольство *Муз* усугубляет / И к щастью отверзает дверь» (АПСС 8, 202; Музы: а) богини, покровительницы наук и искусств; б) аллегория наук).